

Координация планов применения военных флотов России и Франции в преддверии Первой мировой войны

*Денис Юрьевич Козлов, доктор исторических наук,
руководитель Центра военной истории России
Института российской истории РАН,
президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны*

Прежде чем попытаться охарактеризовать эффективность военно-морского сотрудничества России и Франции накануне Первой мировой войны, заметим, что оно имеет предысторию, начало которой положило создание «сердечного согласия» («ententecordiale»), юридически оформленного заключением военно-политического «соглашения ГирсРибо» 15 (27) августа 1891 г. и военной конвенции 5 (17) августа 1892 г.¹ Одним из первых церемониальных, притом весьма эффектных проявлений складывающегося русско-французского альянса стал обмен официальными визитами отрядов боевых кораблей. В июле 1891 г. в Кронштадт прибыла эскадраконтр-адмирала А.А. Жерве (броненосцы «Маренго» (флаг), «Марсо», «Рукен», «Фюрье», крейсер «Сюркуф», авизо «Ланс», миноносцы № 128 и № 129) что, как писал петербургский журнал «Нива», стало «первым открытым заявлением взаимной дружбы между двумя великими нациями, открывающим новую эру в истории Европы»². А через два года – в октябре 1893 г. – российский отряд в составе эскадренного броненосца «Император Николай I», крейсеров «Память Азова», «Адмирал Нахимов» и «Рында» и канонерской лодки «Терец» под флагом начальника эскадры Средиземного моря контр-адмирала Ф.К. Авелана посетил Тулон, причем начальник эскадры и несколько старших офицеров побывали в Париже, где удостоились аудиенции у президента республики М.Ф. Сади Карно и нанесли визит председателю совета министров и в палату депутатов, не говоря уже о встречах с высшим военным и военно-морским командованием³.

Однако Санкт-Петербург и Париж, объединившиеся для совместной борьбы против Германии на сухом пути⁴, предпочли в морских,

¹ См. подробнее: *Зайончковский А.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении / под ред. М.П. Павловича. М.: Изд. военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. С. 63–78; *Манфред А.З.* Оформление русско-французского союза // Новая и новейшая история. 1975. № 6. С. 114–132.

² Прибытие французской броненосной эскадры в Кронштадт / публ. Р.В. Кондратенко // Гангут. Вып. 103 (2018). С. 89.

³ *Сергеев В.В.* Военно-морское присутствие России в Средиземном море во второй половине XIX – начале XX вв. // Роль флота во внешней политике России в Средиземноморском регионе. История и современность: материалы региональной научно-исторической конференции 22 апреля 2009 года. Калининград, 2009. С. 34–37; *Мельников Р.М.* «Император Николай I» – звездные 1890-е // Гангут. Вып. 28 (2001). С. 3, 4; *Рукавишников Е.Н.* Визит кораблей Балтийского флота в Тулон (октябрь 1893 г.) // Очерки из истории Балтийского флота. Книга четвертая. Калининград: Янтарный сказ, 2001. С. 57–65.

⁴ См. подробнее: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. М.: Государственное военное издательство, 1926. С. 169–174.

колониальных и иных вопросах оставить руки развязанными. Французское военно-морское руководство не ставило на повестку дня вопрос о стратегическом взаимодействии с русскими на морских театрах европейской войны и полагало, что *«независимые действия обоих союзных флотов обещали быть более успешными»*. Известно, что уже в 1892 г. французский морской штаб не слишком рассчитывал на помощь российских морских сил в войне с Германией как из-за многомесячного замерзания баз Балтфлота, так и из-за слабости его корабельного состава. Поэтому Париж надеялся не более чем на сковывание некоторой части кайзеровского флота на Балтике⁵.

Надо полагать, оптимизм французов еще и изрядно поубавился в последние годы XIX в., когда на фоне перспектив скорого создания немцами первоклассного линейного флота⁶ взоры Николая II обратились на Дальний Восток, что неизбежно вело к ослаблению русских сил в европейских водах. Вероятно, сыграло свою роль и несколько скептическое отношение французского морского командования к уровню морской и тактической выучки российских коллег и качеству военного кораблестроения в России⁷. Впрочем, и в российском адмиралтействе платили военному флоту своей союзницы той же монетой. С технической и тактической точек зрения французский флот, в отличие от великобританского или германского, не вызывал у русских морских офицеров особых восторгов. *«Очень нарядно, но не по-военному и не по-морски»*, – заметил ветеран Русско-японской войны Н.В. Саблин, описывая свои впечатления от посещения Ревеля отрядом французских кораблей в 1908 г.⁸ Да и стратегический потенциал Третьей республики как союзника на море в военных кругах Санкт-Петербурга ставили не слишком высоко. Вот, например, что значилось в совместном всеподданнейшем докладе Главного управления Генерального штаба и Морского генерального штаба *«Политический элемент обстановки на Черноморском театре»* (декабрь 1907 г.), подготовленном Б.И. Доливо-Добровольским: *«Мы видим... Францию, которая уже прошла кульминационную точку своей империалистической политики и подобно смирившимся теперь, а некогда грозным Голландии и Испании, – склоняется к уходу с арены мировой борьбы»*.

Фашодский кризис 1898 г., поставивший Францию на грань войны с Англией, заставил парижских стратегов вспомнить о русском флоте как о факторе, могущем сковать британские морские силы на Дальнем Востоке, в

⁵ *Панастратигакис Н.* Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны / пер. с англ. // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2004. С. 114.

⁶ В 1898 г. новый статс-секретарь имперского морского ведомства А. фон Тирпиц провел через рейхстаг закон, согласно которому к 1903 г. германский флот должен был насчитывать 19 эскадренных броненосцев, восемь броненосцев береговой обороны, 12 броненосных и 30 малых крейсеров. (См. подробнее: *Жерве Б.* Германия и ее морская сила // Морской сборник. 1914. № 9. С. 146–148.)

⁷ *Roksund A.* The Jeune École. The Strategy of the Weak. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 93–96, 147–149.

⁸ *Саблин Н.В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб.: Петроний, 2008. С. 115.

⁹ Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М.: ИВИ РАН, 2001.. С. 149.

Индийском океане и, возможно, в Средиземном море¹⁰. Однако и в этом случае до координации планов применения союзных флотов дело не дошло. В 1901–1902 гг. впервые обсуждался вопрос о заключении русско-французского морского соглашения¹¹. В это время флоты Франции и России являлись соответственно вторым и третьим в мире и могли составить действительную конкуренцию морским силам Великобритании, причем руководители английского адмиралтейства и многие из влиятельных флагманов (например, адмирал Дж. Фишер, возглавлявший на рубеже веков Средиземноморский флот) всерьез рассуждали о своей неспособности воспрепятствовать захвату Черноморских проливов русскими, действуя они в союзе с Францией¹². В России еще несколько лет продолжали смотреть на Великобританию как на потенциального противника¹³, однако антибританский компонент русско-французского альянса все более размывался по мере дипломатического сближения Парижа и Лондона. Поэтому, как удачно замечает современный исследователь, *«с точки зрения совместного военно-морского планирования и эффективного взаимопонимания союз остался совершенно платоническим»*¹⁴. Идея разработки плана совместных действий российских и французских морских сил (речь шла о Дальнем Востоке) не вышла за рамки не имевших практических последствий обсуждений, состоявшихся в Париже в июле 1902 г.¹⁵

Единственной совместной акцией российского и французского флотов, направленной на решение конкретной внешнеполитической задачи, стало посещение Персидского залива крейсерами «Аскольд» и «Фриан», состоявшееся в ноябре – декабре 1902 г. по инициативе французского внешнеполитического ведомства. Согласно инструкции Главного морского штаба командиру «Аскольда» капитану 1 ранга Н.К. Рейценштейну, цель похода состояла в том, чтобы *«появлением русского флага в этих водах показать иностранным и местным властям, что мы считаем эти воды*

¹⁰Roksund A. Op. cit. P. 172.

¹¹ См. подробнее: Гостенков П.А. Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург; Кронштадт, 21–24 октября 2007 г.). М.; СПб., 2007. С. 172–175.

¹² См. подробнее: Папастратигакис Н. Британская стратегия: русский флот и Черноморские проливы / пер. с англ. Н. Эльдмана // Русский сборник. Исследования по истории России. Том IX (2010). С. 194–219.

¹³ В этом смысле показательно, что одной из целей двусторонних маневров Черноморского флота в августе 1903 г. являлась отработка действий в Проливах против английской Средиземноморской эскадры. (См. подробнее: Айрапетов О.Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война Российской империи. Сборник статей. М.: Три квадрата, 2002. С. 163.)

¹⁴ Папастратигакис Н. Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны. С. 113.

¹⁵ Этим, кстати, русско-французское соглашение отличалось от англо-японского договора 1902 г., определявшего более или менее конкретные параметры сотрудничества в военно-морской сфере, в том числе в мирное время (См. подробнее: Гладких С.А. Влияние внешней политики на боевые действия русского и японского флотов в 1904–1905 годах // Гангут. Вып. 97 (2017). С. 134.)

вполне доступными плаванию всех наций в противоположность стремлениям Великобританского правительства обратить Персидский залив в закрытое море, входящее в сферу его исключительных интересов»¹⁶. Однако и на сей раз каждый из кораблей союзных держав действовал самостоятельно, одну из причин чего следует, очевидно, искать в отсутствии специальных сводов сигналов и иных документов, обеспечивающих весьма непростой процесс совместного плавания кораблей разной национальной принадлежности, не говоря уже об их боевом применении под единым командованием.

Новый импульс русско-французскому военно-морскому сотрудничеству дало учреждение в России Морского генерального штаба (МГШ). В «Наказе Морскому генеральному штабу», утвержденном императором Николаем II 5 (18) июня 1906 г., указывалось на «сношения с Министерством иностранных дел, с Советом Государственной Обороны... по политическим и военным вопросам», а также на «разработку соображений по составлению относящихся к морской войне международных деклараций» как на прямые функции создаваемого учреждения¹⁷. По уместному замечанию российского посла в Париже А.П. Извольского, изрядное отставание морского ведомства от Военного министерства, которое, напомним, заключило военную конвенцию с Францией еще в 1892 г., произошло «исключительно оттого, что прежде у нас не существовало Морского Генерального Штаба, т.е. именно того органа, на коем лежит обязанность заранее обеспечить, на случай войны, нашим морским силам наилучшие стратегические условия»¹⁸.

МГШ, кроме того, формировал задания и руководил работой военно-морских агентов (атташе), каковых к началу Первой мировой войны насчитывалось девять, наблюдение осуществлялось за флотами семнадцати стран¹⁹. В ряде случаев агенты, помимо выполнения своих прямых функциональных обязанностей (сбор сведений о флоте страны пребывания, решение финансовых и технических вопросов, связанных с закупками вооружения и военной техники и др.²⁰), брали на себя роль активных самостоятельных субъектов военно-дипломатической деятельности. Так, в феврале 1911 г. военно-морской агент во Франции, Испании и Португалии капитан 2 ранга С.С. Погуляев вместе с послом в Париже А.П. Извольским

¹⁶ Цит. по: Крестьянинов В.Я., Молодцов С.В. Крейсер «Аскольд». СПб.: Велень, 1993. С. 56.

¹⁷ Указатель правительственных распоряжений по Морскому Ведомству. № 27 Август 1906 г. // Собрание узаконений и других распоряжений по Морскому Ведомству за 1906 год. СПб.: Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1907. С. 810–813.

¹⁸ Письмо Российского Посла в Париже А.П. Извольского тов-щу Министра Иностранных Дел А.А. Нератову. Париж, 5/18 Июля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 г.г. Сборник секретных дипломатических документов бывш. императорского русского министерства иностранных дел. М.: Издание Народного комиссариата по иностранным делам, 1922. С. 231.

¹⁹ Емелин А. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2. С. 66.

²⁰ См. подробнее: Емелин А.Ю. История института русских военно-морских агентов (атташе) за границей. 1856–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 368–386; Завьялов И.В. Российские морские агенты о подводном кораблестроении за рубежом в канун Первой мировой войны // Гангут. Вып. 58 (2010). С. 61–80.

стал инициатором возвращения к идее «расширения союзных обязательств двух держав на действия их военно-морских сил» и принял участие в предварительном зондаже этой проблемы у французского министра иностранных дел С. Пишона²¹. В донесении в МГШ об итогах своей деятельности в должности агента²² С.С. Погуляев обратил внимание руководства морского ведомства на необходимость установления «непосредственной связи» между морскими генштабами союзных держав.

Спустя год новый военно-морской агент в Париже капитан 1 ранга В.А. Карцов в цикле неофициальных бесед с командующим Средиземноморским флотом вице-адмиралом О. Буэ де Лапейерером (состоявшихся по инициативе последнего)²³ убедился в готовности французского руководства к установлению «кооперации между русскими и французскими морскими силами»²⁴. Затем с одобрения морского министра адмирала И.К. Григоровича и министра иностранных дел С.Д. Сазонова и при энергичной поддержке со стороны посла В.А. Карцов вошел в «тесные отношения» с морским министром Франции Т. Делькассе²⁵ с целью подготовки визита начальника МГШ вице-адмирала светлейшего князя А.А. Ливена в Париж «для совместного с французским морским генеральным штабом обсуждения некоторых стратегических вопросов и для выяснения возможностей вступить с этим учреждением в постоянные сношения»²⁶.

После подписания 3 (16) июля 1912 г. русско-французской морской конвенции²⁷ российский МГШ приступил к обмену информацией с французским морским генштабом. Результатом совещаний А.А. Ливена с его французским коллегой вице-адмиралом Ш. Обером стало взаимное признание необходимости заблаговременной подготовки к координации действий союзных флотов путем непосредственных сношений морских генеральных штабов, включая ежегодные встречи их начальников, систематического обмена сведениями и даже согласования оперативно-стратегических планов.

Принципиально важно, что на первых же совещаниях было оговорено «распределение ролей» между будущими союзниками. Французы не могли

²¹ Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000. С. 138.

²² Показательно, что при возвращении в Россию капитан 2 ранга С.С. Погуляев был удостоен французскими властями редкими знаками благодарности: помимо ордена Почетного Легиона президент К.А. Фальер преподнес С.С. Погуляеву личный презент (ансамбль северского фарфора) и направил в Санкт-Петербург официальную ноту с просьбой вернуть офицера в Париж после отбытия им корабельного ценза (С.С. Погуляев был назначен старшим офицером крейсера «Адмирал Макаров»). См. подробнее: Я. В. Контр-адмирал С.С. Погуляев // Морской журнал (Прага). 1938. № 125 (5). С. 2–4.

²³ См. подробнее: Деренковский Г.М. Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны // Исторические записки. Вып. 29 (1949). С. 88–90.

²⁴ Письмо Российского Посла в Париже А.П. Извольского-шцу Министра Иностранных Дел А.А. Нератову. Париж, 5/18 Июля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений... С. 230.

²⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 374. Л. 341–343.

²⁶ Деренковский Г.М. Указ. соч. С. 95.

²⁷ Русско-французская морская конвенция, 3(16) июля 1912 г. // Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 2: Первая мировая война. Документы и материалы. М.: Наука, 2002. С. 28.

обещать содействия русскому флоту на Балтике, так как, по соглашению с Великобританией, Северное море входило в зону ответственности последней. Ш. Обер обещал помощь в Средиземноморье, взяв на себя обязательство воспрепятствовать прорыву в Черное море австро-венгерских и итальянских морских сил, *«а в случае случайного пропуска неприятельского флота через Дарданеллы [французский флот] должен устремиться за ним и прорваться туда же»*²⁸.

В руководстве российского морского ведомства были склонны весьма оптимистично оценивать результаты обмена мнениями с французскими коллегами. Любопытно, что внимание светлейшего князя А.А. Ливена привлекла удивительная предупредительность французов и даже их готовность взять на себя некоторые обязательства, не требуя никаких, по существу, компенсаций от русских. Как представляется, уступчивость наших союзников имела политическую природу и была обусловлена стремлением Парижа укрепить военный союз с Россией всеми мерами, вплоть до некоторых авансов. Вероятно, именно поэтому в выработке проекта конвенции самое деятельное участие принял М. Палеолог, в то время занимавший пост политического директора французского министерства иностранных дел²⁹, а впоследствии ставший послом в России и далеко не последним лицом в петроградском политическом бомонде.

Отметим, что вице-адмирал А.А. Ливен придавал большое значение готовности французов облегчить Российскому флоту задачу завоевания и удержания господства на Черном море путем давления на флоты Австро-Венгрии и Италии. Тем не менее ни при подписании конвенции, ни при состоявшейся в мае 1913 г. встрече А.А. Ливена с новым начальником французского морского генштаба вице-адмиралом П. Ле Бри никаких конкретных договоренностей о взаимодействии в районе Проливов, т.е. в вопросе, важнейшем с точки зрения российского стратегического планирования на «южном театре», оформлено не было³⁰. Некоторый прогресс в этом смысле был достигнут в июне 1914 г., при посещении Франции новым начальником МГШ вице-адмиралом А.И. Русиным. Сменивший П. Ле Бри вице-адмирал Л.-Ж. Пивэ высказал готовность передислоцировать основные силы французского флота из Тулона в Бизерту, чем на четверть сократить глубину оперативного развертывания своей корабельной группировки к Дарданеллам. Не возражали французы и против базирования на этот порт и российского соединения – бригады линейных крейсеров Балтийского моря,

²⁸ Цит. по: Павлов А.Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 8.

²⁹ Письмо Российского Посла в Париже А.П. Извольского Товарищу Мин-ра Ин. Дел А.А. Нератову. Париж, 5 (18) июля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений... С. 229–231.

³⁰ Емелин А.Ю. Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 56, 57.

призванной пресечь прорыв германской «Средиземноморской дивизии» в Дарданеллы³¹.

Однако практическую значимость подписания морской конвенции переоценивать, на наш взгляд, не следует. Документ лишь декларировал в предельно общих формулировках готовность сторон «действовать совместно», но не конкретизировал формы и организацию этого взаимодействия. Председатель Совета министров В.Н. Коковцов, ознакомившись с протоколом «первого обмена стратегическими взглядами», счел необходимым отметить, что «изложение это страдает в некоторых своих частях недостаточной определенностью и может при известных условиях дать повод к различному пониманию». Премьер находил желательным, чтобы «последующий обмен мыслей имел своим предметом более точное изложение как состоявшихся постановлений, так и последующего их развития»³². Но и в дальнейшем прикладное «военное» значение этих контактов оставалось весьма ограниченным. Причем это утверждение представляется справедливым не только в отношении обмена сведениями технического характера³³, но и в отношении согласования планов применения российского и французского флотов. Даже в ходе посещения Франции группой морских офицеров во главе с вице-адмиралом А.И. Русиным³⁴ в июне 1914 г., когда были в значительной мере сняты накопившиеся взаимные претензии³⁵, «вопросов стратегического характера ни с той, ни с другой стороны почти не имелось; нас взаимно интересовали, главным образом, тактически-организационные принципы наших флотов и их технические особенности»³⁶. Поэтому на оперативно-стратегические калькуляции российского морского ведомства контакты с союзниками сколь-нибудь существенного влияния не оказали.

Что же касается перспектив взаимодействия сил союзных флотов на тактическом уровне, то таковое на повестке дня не стояло, что было обусловлено весьма пессимистическим отношением военно-морских кругов к возможностям применения «многонациональных» сил под единым командованием. Кстати, опыт Первой мировой войны в этом отношении мало что изменил. Специалисты, проанализировавшие процесс совместных

³¹ *Апрелев Б.* Линейный крейсер «Гебен» // Исторические очерки. Книга вторая. Шанхай: Книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, [1935.] С. 178; *Айрапетов О.Р.* На Восточном направлении... С. 176, 177.

³² АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 374. Л. 356; Копия с собственноручной заметки г. Председателя Совета Министров, С.-Петербург, 28 Июля 1912 года // Материалы по истории франко-русских отношений... С. 232.

³³ Достаточно сказать, что в феврале и апреле 1914 г. российский МГШ, не удовлетворенный объемом и качеством получаемой от французов информации, грозил приостановить выдачу своих сведений. (См. подробнее: *Емелин А.Ю.* Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 58, 59.)

³⁴ В состав делегации входили капитан 1 ранга В.К. Пилкин, капитаны 2 ранга М.И. Смирнов, А.А. Нищенков, В.Е. Егорьев и лейтенант Б.П. Апрелев.

³⁵ *Емелин А.Ю.* Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 60.

³⁶ *Апрелев Б.* «Гебен» в войну 1914–18 г. (Воспоминания о роли германского линейного крейсера «Гебен» в минувшую войну 1914–1918 гг.) // Зарубежный морской сборник (Пильзень). 1930. № 9 (январь–апрель). С. 39.

действий флотов Англии, Франции и (с 1915 г.) Италии в Средиземном море, охарактеризовали его как «малопродуктивный»: «*Разные тактические свойства судов и их вооружения, различные методы артиллерийской стрельбы и маневрирования, различные способы связи, разные сигнальные коды – вообще, различная материальная часть и боевая подготовка, – сильно мешают продуктивному использованию боевой силы союзных флотов, не говоря уже о трудности организации единого командования ими и о почти полной невозможности добиться необходимой спайки между личными составами союзных флотов*»³⁷.

Таким образом, в предвоенные годы военно-морские контакты с союзной Францией так и не вышли на уровень, позволивший им оказать сколь-нибудь существенное влияние на содержание стратегического планирования в российском морском ведомстве, не говоря уже о направленности строительства русского флота. Этого, кстати, нельзя сказать о взаимодействии в морских делах между нашими союзниками. Достаточно вспомнить, что именно соглашение с Францией позволило англичанам резко сократить традиционное военное присутствие в Средиземном море и сосредоточить лучшие силы своего флота в водах метрополии перед лицом германского Флота открытого моря, иными словами, реализовать принципиально новую, если угодно, идеологию дислокации и применения военно-морских сил³⁸.

Тем не менее, в преддверии мировой войны была заложена определенная организационная основа межсоюзнического взаимодействия в военно-морской сфере, а апробированный в мирное время алгоритм действий государственного руководства, внешнеполитического, военного и морского ведомств был использован в практике координации усилий государств Антанты во время Великой войны.

³⁷ Жерве Б., Петров А., Шведе Е. Средиземное море. Политико-стратегический очерк. М.: Военный вестник, 1927. С. 21.

³⁸ О морской политике Великобритании перед Первой мировой войной см. подробнее: Лухарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1993; Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М.: МАКСПресс, 2008; Fisher J.A. Memories and Records. New York: George H. Doran Company, 1920; Gooch J. The Plans of the War. The General Staff and British Military Strategy (1900–1916). London: Routledge & Kegan Paul, 1974; Grimes Sh. T. Strategy and War Planning in the British Navy, 1887–1918. Woodbridge: The Boydell Press, 2012; Kennedy P. Strategy and Diplomacy 1870–1945. London: Fontana Press, 1984; Marder A.J. From Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1904–1919. 5 vols. London: Oxford University Press, 1961–1970; Massie R. Dreadnought: Britain, Germany and the Coming of the Great War. New York: Random House, 1991; Williams Rh. Defending the Empire: The Conservative Party and the British Defence Policy. 1899–1915. New Haven: Yale University Press, 1991; Shiflett Ch.R. The Royal Navy and the Question of Imperial Defense East of Suez, 1902–1914 // Warship International. 1995. No. 4. P. 353–366.